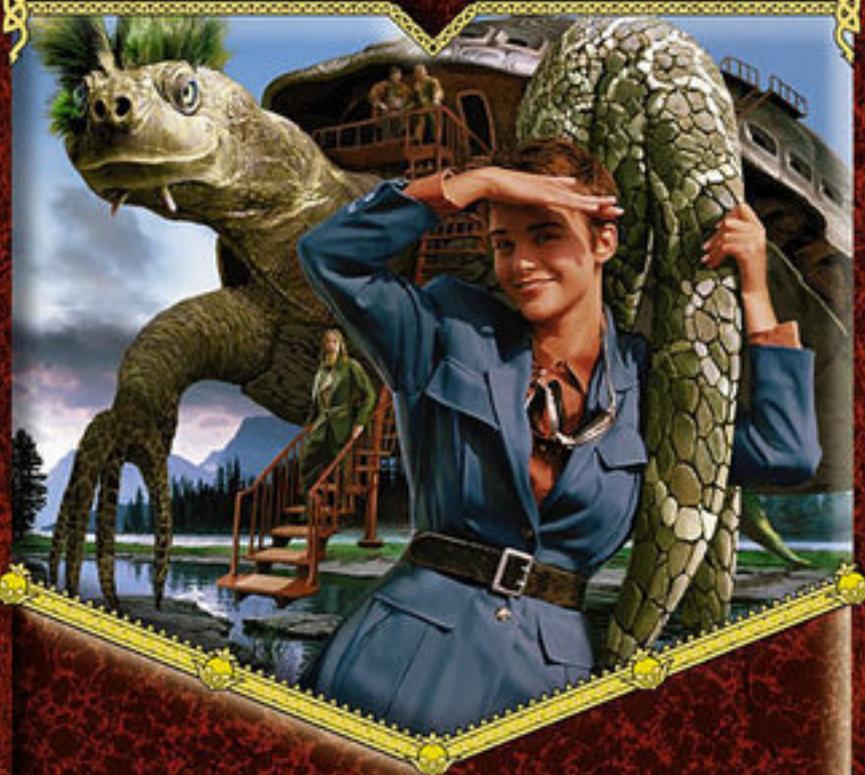

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

УБИТЬ ЭЛЬФА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Мир Саймили

Оксана Демченко

Убить эльфа

«АЛЬФА-КНИГА»

2011

Демченко О.

Убить эльфа / О. Демченко — «АЛЬФА-КНИГА», 2011 — (Мир Саймили)

ISBN 978-5-9922-0789-7

Вы видели живого эльфа? Нет... Я тоже. Мне даже ни разу не удалось взглянуть на труп. Настоящий, не в телехронике или отчете корпуса дагов. Между тем уже пять лет я учусь в колледже, работала во время практики на улицах. Свободный поиск, облавы, плановые операции... И – не везет! Обидно, горько... и смешно. У ведьм обычно с удачей нет особых проблем. С исполнением заветного желания тем более. Это – самое заветное. Нет, вру. Самое-самое у меня иное. Не увидеть, а убить. Почувать, выследить, заманить в ловушку, обложить так, чтобы не смог выскользнуть. И самой, без дагов, положить его. Хотя бы одного. И обязательно до того, как устроит очередную пакость. Чтобы этой твари было вдвойне черно умирать: теряя свою драгоценную длинную жизнь и зная, что мы – лучше. Не сильнее, не быстрее и не изворотливее. Увы, они весьма ловко скроены. Но мы – организованнее. А еще мы умеем не только ценить свою жизнь. Но и отдавать ее, спасая других. Я бы отдала. И отдам. Чтобы чья-то сестра спокойно добралась домой самым тусклым, несчастливым безлюдным вечером. Маленькая, беззащитная, доверчивая. Такой была моя Кира.

ISBN 978-5-9922-0789-7

© Демченко О., 2011
© АЛЬФА-КНИГА, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Оксана Демченко

Убить эльфа

Глава 1

Курсантка. Пепел и боль

До рассвета, как обычно, младшие дети и старики, которым не надо спешить на работу, выстроились в длинную очередь за питьевой водой. Ее привозят в больших цистернах один раз в сутки. Техническую – для полива и прочих нужд – уже седьмой год подают в каждый дом по трубам от главного гидроузла конторы. Два раза в день подают, по три часа, утром и вечером. Управляющий центра торфоразработок много раз объяснял на собраниях: это большое достижение, и такую воду можно пить. Даже показывал на личном примере. Наливал в прозрачный стакан и демонстративно медленно глотал.

Через стекло были отчетливо видны мутность и неприятный зеленовато-песочный оттенок жидкости. Пахнет техническая вода соответственно названию: чем-то невнятно-неживым. Смотреть без отвращения на пьющего эту гадость невозможно. А уж повторять за ним его действия, да еще изо дня в день...

Нора усмехнулась. Мама работает в больнице центра. Она-то знает, что за час до начала очередного собрания всегда готовят палату, куда управляющий торопливым шагом следует сразу после собрания: ему заранее были предписаны промывание желудка, капельница, дежурная ведьма. Но некоторые верят. Особенно в последнюю неделю месяца, когда остатков от прежней зарплаты или жалких крох социальных выплат не хватает уже ни на что. И потому цепочка людей, переминающихся в ожидании прибытия цистерны, сегодня не слишком длинная.

Нора повнимательнее присмотрелась к стоящим в очереди. Приятно убеждать себя, что именно по причине нехватки денег в сочетании со вчерашним враньем подлеца управляющего за водой пришло вдвое меньше людей, чем ожидалось с вечера, до собрания. Вообще-то есть и иные основания.

Ночью с юга, от мертвого леса, стало наползать облако сизой слезоточивой гари. Пришло оно гораздо раньше, чем в прежние годы. Еще бы! Снег до начала календарной весны обглодали дожди, слизнули рыжие туманы, похожие на дым и пахнущие прогорклым дымом. Остатки влаги выморозили ночные холода, оставив нищенски-постыдную оголенность ледяной почвы темной, мусорной, ошетилившейся ознобом короткой сухой прошлогодней травы. Весна миновала, холода давно в прошлом, как и прохлада без духоты, как и надежды на лето без засухи – увы, с тех пор не было ни одного дождя. Словно небо взялось извести упрямых людей, вознамерившихся выжить и здесь, в рукотворном аду. Как сказал Тиэль, герой «Кровавой полуночи»: «Смертные терпеливы, они пытаются смириться с наихудшим и все же уцелеть». Играл жестокого красавчика эльфа, само собой, Лорран.

Нора вздохнула, прикрыла утомленные, разъеденные дымом слезящиеся глаза. Ну почему самые обаятельные, невыносимо, невозможно восхитительные актеры играют длинноухих злодеев? Вся страна – уж женская ее составляющая точно, поголовно и вся без исключения – влюблена в Лоррана. Сама Нора, как и прочие, не раз писала длинные письма в студию. Возмущенные, с требованием дать прекрасному Лоррану хоть одну достойную его таланта положительную роль. Сердце разрывается, когда этот безупречный белокурый эльф в очередной раз выходит на ночную улицу и убивает... А чего еще ждать от длинноухого? И все равно

зрительницы ему, неподражаемому, полфильма сочувствуют в тайной надежде, что он исправится, одумается и станет иным. Хоть раз... Не Тиэль, так актер Лорран.

Белокурый кумир мог бы сыграть отважного дага, он справился бы – по слухам, он успешно отработал сезон в столичном театре. Поклонницы были счастливы, но режиссер потребовал внести пункт, запрещающий выходить на сцену, пока не истечет киноконтракт. Как будто Лорран – его собственность. Мерзавец, гнусный денежный мешок без совести. «Ограничивает человека в его развитии», – вздохнула Нора, припомнив мамины слова, правильные и точные. Лорран был бы восхитителен в роли дага! Уж он бы выследил мерзавца эльфа, скрутил его и доставил живым в столицу. Вот уж был бы финал, достойный лучшего фильма Лоррана. И чтобы состоялся, хотя бы в кино, первый в истории Альянса Объединенных Провинций общий открытый суд. И чтобы даг не допустил нового злодеяния, не могут ведь проклятые эльфы всегда выигрывать. Жизнь и без того тягостна. Чем плох счастливый конец в этой истории? Он дарует надежду... Именно так говорили и писали женщины страны. Но режиссер, наверное, был не более вменяем, чем ублюдки эльфы или управляющий центра торфоразработок. Говорят, в производство запущена уже восьмая часть «Кровавой полуночи». Интересно, как удастся Лоррану так бесподобно выглядеть? Ему, по слухам, уже под сорок. А на вид – двадцать, как и подобает бессмертному элфу. Нестареющему.

Вдалеке, едва пробиваясь сквозь дымку, тускло блеснули фары. Точнее, они вгрызлись своими желтыми и острыми, как вязальные спицы, лучами в беспросветный туман. Ощупали его и стали протыкать, прожигать, разыскивая дорогу к городу. Ведьма – настоящая, пусть и самая слабая, начинающая самоучка – способна ощутить их стремление, их лихорадочный блеск, важный и желанный для каждого в этой очереди за водой.

Нора вгляделась, решительно и резко выбросив из головы сплетни про Лоррана, собранные за минувшую неделю. Напряглась, полнее и глубже вслушиваясь в дорогу. Шагнула вперед, вскинула руки, энергично потерла виски тонкими бледными пальцами. Нет, не показалось. Очередь оживилась, зашевелилась, люди стали оглядываться на Нору. Все знали: она опознает цистерну издали. И никогда не ошибается. Девочка кивнула – верно заметили, едет. Прокатился довольный шепот, звякнули бидоны, скрипнули колеса тележек.

«Би-би-и-и-би-би-б-и-и-ип», – невнятно, прерывисто донеслось из недр мутной желтоватой гари, надежно скрывающей от взгляда даже ближние стволы мертвого леса.

Очередь активнее задвигалась, выстраиваясь плотнее и отступая с дороги на обочину. Сигнал рывкнул ближе – уверенно, низко, сплошным длинным гудком. Точно – цистерна. Хорошо, когда смена своего водителя, юльского. Он знает, как тяжело ждать на жаре и старается доставить воду пораньше. Нора улыбнулась. Сегодня сестра должна была везти бидон. Но семилетняя хитруля заранее, с вечера, устроила такое представление – Лорран бы позавидовал. И глаза у нее болят, и кашель хриплый, с надрывом. И ногу она стерла в кровь. Белокурая хулиганка не помнила наверняка, на которую стопу пожаловалась в первый раз, маме, и оттого усердно хромала на обе.

Конечно, Кира выросла в жутком мертвом городе, настоящего воздуха ни разу не вдыхала за всю свою короткую жизнь. Слабенькая, чахлая. Бледная. Но еще и капризная. Привыкла, что у сестры есть силы тащить бидон и нет злости, чтобы спорить. Пользуется. Отказать ей трудно. Вся такая светленькая, тоненькая, изящная. Вырастет – станет актрисой. Нет, лучше диктором телесети. А то и ее заставят играть исключительно подонков эльфов. Или их гнусных пособниц.

– Опять меньшая из тебя веревки вьет? – насмешливо уточнила соседка, подкатывая свою тележку и ставя рядом с бидоном Нору.

– Она приболела.

Мысленно Нора отчитала себя самым строгим образом. Причин злиться на соседку никаких. Она и с сестренкой сидит, когда некому присмотреть, и на чай зовет. А печенье у нее

вообще вкуснейшее, да еще с настоящей сгущенкой – не из концентратов, а из молока. И очередь при необходимости занимает. Советы дает не самые глупые. Да только приторная – до тошноты. Ненастоящая. Объяснить точнее трудно, но не верить своему чутью еще сложнее. Приходится терпеть, улыбаться и ругать себя тайком.

Нора закончила с первой частью самовоспитания – порицанием – и старательно улыбнулась соседке. Получила в ответ десяток слащавых заверений, что выглядит прекрасно, по хозяйству управляется бесподобно и вообще растет хорошенькой на загляденье.

«Интересно, – нудно выталкивая новые слова благодарности, подумала Нора, – зачем врет? Ничего она мне не желает хорошего. Маме завидует. Киру вообще, кажется, ненавидит. И знает, что я это чувствую. Потому что и сама не так проста, только прикидывается эдакой дурочкой. Но чутье у нее тренированное. Может, вообще она ведьма-нелегалка... Силы особой не накопила, зато жадности и злобы имеется вдоволь».

Нора замерла, потрясенная простотой и очевидностью идеи. Конечно, нелегалка! Откуда еще у неработающей соседки деньги и дорогушие деликатесы вроде молока? Да и волосы – рыжие. Говорят, все истинные носительницы дара таковы. Или рыжие, или чернявые. И обязательно красивые, как настоящие актрисы. Вот хоть та же соседка. Даже в этой очереди на нее заглядываются. Яркая, веселая, фигуристая, кашель к ней не липнет, кожа розовая, ровная.

Сама-то Нора уродилась странной, не соответствующей привычному образу ведьмы. Волосы у нее блекло-серые, словно вобравшие в себя пепел и пыль сгоревшего леса. Глаза тоже неяркие, серые. Да и тощая, как пруттик. Нормальные ведьмы не такие. И характер у них шумный, и уверенности в себе на троих хватит, и наглости – на пятерых, и везения. Взять хоть соседку, чтоб она заткнулась когда-нибудь!

Беззлостное пожелание, как всегда, не подействовало.

– Ну-ну... Взяла мне номерок? Вот спасибо, умница, добрая душа! – Соседка торопливо выхватила бирку и сунула в нагрудный карманчик, не забыв стрельнуть глазами в сторону рослого мастера с торфоразработок и поправить и без того глубоко и ровно открытый вырез кофточки. – Норка, хороший ты человек, хоть и ведьма. Ох, не пойдет это на пользу. Ходила вчера в управу, записалась на отбор? Смотри, четырнадцать лет исполнится – переростком сочтут! И не вырвешься из нашего Юльска. Тут и сдохнешь, как все мы.

Нора неопределенно пожала плечами. Конечно, соседка во многом права.

Ей тринадцать, значит, сквозь пальцы ускользает непойманной золотой рыбкой последний шанс уехать. Точнее – сбежать. Оплатить свободу от Юльска рабским контрактом в корпусе ведьм, который и Лоррану не снился. Зато, если подписать такой, это даст право жить в нормальном городе, где можно почти каждый день видеть синее небо. Удастся подлечиться, окрепнуть. Юльск ее уже прилично потрепал: астма имеется, экзема, конъюнктивит. Как у всех. И, как у всех, единственное, чего нет, – это надежды вырваться из проклятого городка. Родного, некогда любимого. Ныне – мертвого и убивающего своих последних жителей изошренно и подлю. День за днем, мучительно, неотступно.

Трудно поверить своей собственной памяти: восемь лет назад Юльск, считавшийся престижным дальним городом-спутником столицы процветающей Энрэнийской провинции, был зеленым и благополучным. Милая старомодность архитектуры, тишина, отличный воздух и веселая чистая речушка Юла с прудами и заводами привлекали состоятельных людей, желающих отдохнуть от суеты мегаполиса.

Так было, пока бессчетные гектары старых болот не выкупили агенты концерна «Эгиш». Якобы под охотничий заказник. Местные жители радовались, ждали наплыва богатых гостей. Думали открыть пару-тройку новых гостиниц... Оказалось – все обман. Совершалась сделка исключительно ради разработки месторождений торфа. Сейчас, когда земли оскудели, он раскупается тепличными хозяйствами по немыслимой цене, и оттого осушили болота стремительно. По весьма достоверным слухам, действовали самым дешевым способом, без техники,

зато с использованием запрещенных магических приемов. Не иначе ведьмы-нелегалки потрудились. А может, и эльфы. С них станется, с пакостников.

Именно из-за применения магии вода ушла так глубоко, что высохли почти все колодцы в округе. Да что колодцы – скважины иссякли! Говорливая речушка, давшая название городу, превратилась в звонкое сухое русло, окончательно и безвозвратно мертвое, растрескавшееся твердыми, как камень, илистыми пластинами.

Первыми, еще до того, как стали заметны признаки беды, Юльск покинули наиболее зажиточные горожане. Они, денежные и расчетливые, владели информацией. И успели сбежать вовремя, даже продали свои участки без больших потерь. С их отъездом закрылись магазины, опустели школы, переместились в более уютные края офисы, следуя за своими хозяевами.

Остались лишь те, кто не догадались продать землю, когда на ней еще росла трава. И не сбежали позже, бросив все.

Трава быстро высохла. Испарились и призрачные надежды выбраться из ловушки, в которой оказались остатки населения Юльска. Уехать невозможно – нет денег. Заработать нигде – нет рабочих мест.

«И тогда концерн «Эгиш» купил всех нас по дешевке, – усмехнулась Нора. – За треть той суммы, которую можно считать достойной оплатой, люди соглашались вкалывать от зари до зари – не разгибаясь, без отпусков, с одним выходным в неделю».

– Норка! Не стой столбом, непутевая, двигайся. Ох, горазда ты попусту мечтать, – возмутилась соседка, уже перетащившая и свою тележку, и бидон. – Небось опять о Лорране. Жить надо проще. О насущном думать. Сказано тебе: строевым шагом топай на отбор! Сама отсюда вырвешься и сестру вытащишь. Не глупи. Да, жизнь у зарегистрированных ведьм не сахар, работа трудная и опасная. Только где угодно будет лучше, чем в этом дыму. Поверь.

– А мама?

– Дура! Если тебя сочтут годной, родне предоставят право переезда и казенную комнату. Прощение отпишешь, похлопочешь с полгодика, кому надо поклонись, кого следует напугаешь своим ведьмовством или пообещаешь позже отплатить за добро – и все дела.

– Не умею я просить.

– Да, для ведьмы ты не слишком характером годна, – вполне искренне усмехнулась соседка. – Норка, подумай о сестре. Притерплюсь.

– Может, и притерплюсь.

– Наглость – первое счастье. И не кривись, хватит сопли распускать, оплакивая свое розовое детство. В Юльске уже давно нет ничего розового, здесь только пепел и вонь. Очнись!

Нора виновато пожала плечами. Соседка права. Сестру надо спасать. За последнюю зиму она чуть поправилась. Дожди осенью, а затем и снег шли часто, воздух посвежел. Но весна без зелени оказалась тяжелой. С приходом же дымового облака все невеликое здоровье Киры иссякло в одну ночь. Пока сестра капризничает и притворяется – не страшно. К осени будет, как год назад, лежать тихо и виновато молчать, закусив губу. Когда младшей по-настоящему плохо, она умеет быть сильной. Не жалуется, не донимает просьбами. И оттого становится еще большее и страшнее. «Да не съедят меня в колледже ведьм!» – с мрачной решимостью подумала Нора.

Грузовик окатил очередь волной маслянистого жаркого дыма, обдал пылью, запахом горелой резины. Загудел в последний раз, скрипнул тормозами и затих. Дверца кабины открылась, на обочину выпрыгнул рослый молодой парень. Не местный. Очередь удивленно замерла. Стоявшая первой бабушка Лора всплеснула руками.

– Ты откудова такой взялся, касатик? – любопытствовала она. – Чистенький, хорошенький, новенький. Неужто за грехи к нам списали из большого-то города, ась?

– Нет, маман, – бодро отозвался парень, блеснув неправдоподобно белыми, прямо из рекламы телесети, зубами. – На два дня вызвали, подменить прежнего водителя. На учебе он, новую цистерну закупают, большую. С электронной системой раздачи воды.

– Ох ты ж, это какой такой электронный, ась? – восхитилась старушка, споро открывая свой бак и подкатывая его под шланг. – А с ним вкуснее, что ль?

– Дозировка точнее, – пояснил водитель.

В очереди понятливо хмыкнули. Концерн всегда подозревает своих работников в воровстве. Питьевая вода – она ведь не бесплатная, хоть и довольно дешевая. Надо думать, скоро подорожает. Ведь цистерну важно поскорее окупить...

Нора стояла довольно далеко в цепочке очереди и с интересом рассматривала городского водителя. Времени на проявление любопытства – полно. Опять же: отсюда, чуть со стороны, можно и поглядеть, никто не скажет, что пялишься. Хотя чего уж там, все рассматривают. Городок маленький, и новый человек в нем – целое событие. К тому же водитель тут вообще впервые, он, наверное, и на концерн не работает постоянно. Он не раб «Эгиша» – свободный человек из большого мира. Ловкий, веселый, уверенный в себе и, как верно подметила бабушка Лора, чистенький. Настоящий белый цвет его рубашки выглядит странно для Юльска. Здесь ни один стиральный порошок не в силах одолеть серый налет гари, оседающей на ткань при носке и даже сушке. Да и техническая вода постепенно придает любому цвету оттенок линялой рыжины с неприятными зеленоватыми разводами.

Румяный, незнакомый с кашлем и конъюнктивитом, парень оказался на удивление компанейским и некапризным. Сразу согласился уступить суету с раздачей и учетом воды бывшему библиотекарю, человеку, безусловно, порядочному. А сам польстился на вывеску последнего уцелевшего городского кафе: «Свежий кофе на свежем воздухе! Лучшие фильтры в Юльске!»

Когда шаг за шагом Нора добрела до цистерны, солнце уже выглянуло из-за частокола горелого леса, черный профиль которого был отчетливо виден в косых лучах, и принялось прожаривать ткань рубашки. И опять – ни облачка.

«Хорошо, что Кира осталась дома», – подумала Нора, толкая тяжело переваливающийся на старых скрипучих колесах бидон. Надо вовсе запретить ей, маленькой, возить воду. Тяжело.

– Давай помогу, – предложил водитель, догоняя у поворота на соседнюю улочку. – А то кофе у вас такой мерзкий, хоть куда сбежишь, лишь бы не допивать. Но машину надо держать на точке до полудня, как я понимаю. Тоска... невкусная к тому же.

– Зато фильтры в зале хорошие, – улыбнулась Нора, радуясь простенькой шутке. – За право подышать и берут деньги. А кофе – так, для угощения. Мы обычно берем холодную воду в бутылке или разбавленный сок, стоят столько же.

– Не сообразил, – признался парень.

Нора покосилась на него, нехотя уступая чужой кипучей решительности и позволяя незнакомцу толкать тяжелый бидон, подпрыгивающий на неровностях и норовящий вильнуть, а то и вовсе завалиться набок. Руки болели, спина ныла. Как тут спорить?

Еще хотелось себя снова отругать и наказать. Хотя бы так, против воли уступая и соглашаясь. Дурацкая штука – чутье. Твердит невесть что. Мол, парень не врет. И провожать Нору ему приятно. Только не к добру его интерес. Слово бы имеется в нем потаенное, невысказанное. Впрочем, кому она нужна? Тоже, птица высокого полета, возмнила о себе невесть что... Капризничает чутье. Так бывает, когда одолевает усталость или портится настроение. Скорее всего, из-за мыслей о Кире.

Нора вздохнула, поправила волосы. Нехотя создалась себе: красивый парень. Светловолосяный, улыбочивый, рослый, двигается мягко и гибко. На Лоррана чем-то неуловимо похож. Может, оттого и хочется в нем сомневаться. Все злодеи-эльфы в фильмах поначалу очень даже обаятельны. Правда, они боятся ведьм. Это совершенно точно! Книжки, учебные пособия, телесеть и фильмы в данном вопросе сходятся.

Нора улыбнулась и более свободно глянула на спутника. Никакой он не эльф. Просто хороший человек. А в городе ему с непривычки неуютно, вот и озирается и щупает взглядом каждый забор.

– С тобой рядом женщина стояла, – вроде бы между делом упомянул водитель. – Рыжая. Она здесь живет?

– Соседка, – понятиливо кивнула Нора. Вот как все просто! И вот кто ему нравится, оказывается. – Видишь тот розовый домик в один этаж, с зеленым газоном? Как раз ее жилье и есть.

– Ты смешно сказала – «с зеленым газоном», – отметил парень.

– У нас это признак богатства, – пожалла плечами Нора. – Техническая вода стоит пять санти за литр. На один полив уходит до десяти руни. Этот бидон обошелся мне в два, его хватит семье на четыре дня, а то и на неделю. Вот так.

– Теперь я понял, почему дорога в Юльск перекрыта шлагбаумом! – рассмеялся водитель. – Здесь на торговле водой озолотиться можно! Пришли, да? Угостишь кружечкой воды? А то от этого дыма горло першит.

– Пошли, – покладисто кивнула Нора.

Она уже догадалась: провожатый не уйдет, пока не дождется появления соседки. Увы для парня, та редко возвращается быстро, не прослушав в очереди все городские сплетни. Значит, надо ждать час на солнцепеке минимум! Дышать гарью. С непривычки водитель, на вид такой здоровый, запросто может рухнуть в обморок. А ему еще ехать до города.

Дверь открыла Кира. Запищала, радуясь гостю. Для Юльска чужие – это настоящее событие! Нора фыркнула в кулак: младшая от восторга забыла, что следует хромать! Побежала на кухню, поставила чайник со свежей водой. Выкопала из своих тайных запасов два сахарных печенья, подарок соседки. Достала белую фарфоровую чашку, положила под доньшко новую салфетку. Как будто гость понимает, что все это значит и почему его так встречают.

– Ты здорово похож на Лоррана! – восхищенно сообщила Кира, перемещая на стол вскипевший чайник. – Я люблю его ужасно.

– Он же злодеев играет, – картинно ужаснулся водитель.

– Ну, я смотрю фильмы до середины, – шепотом призналась Кира. – Потом, когда начинают стрелять и кричать, я ухожу. Чуток погожу и конец истории сама придумываю. Обязательно хороший. Ешь печенье, оно страсть какое вкусное.

– Давай пополам, – великодушно предложил парень.

Нора вздохнула, неуверенно улыбнулась. И почему она недовольна каждым чужаком? Все он понял. И про салфетку, и про лучшую в доме чашку, уцелевшую от более богатых и благополучных времен. И про вкусное печенье. Сестра ему очень нравится. Нормальный человек. Даже приятный.

А если подумать толком о сходстве с эльфами... Так, странное дело, на эльфа больше всего похожа бабушка Лора, хоть она и старая. В пособии для юных ведьм прямо сказано, по каким признакам следует опознавать длинноухих. Они умеют грамотно маскироваться, владеют магией, используют грим, актерствуют. Прикидываются, если им надо, старыми и больными. А еще – добрыми, заботливыми. Некрасивыми, обыкновенными и заурядными. Короткоухими. Опытные враги, не имеющие видимых глазу примет и тем вдвойне опасные. Но для зрения настоящей ведьмы они заметны. В них... Как там сказано? Ах да: «...ощущается странный, глубокий, магнетически притягательный и завораживающий огонь нечеловеческой души. Он яркий, как чужая, случайно замеченная и нечаянно разделенная радость. Таким образом враг пытается отвлечь ведьму от себя, дурманя разум и заполняя его избыточно сочными проекциями природы, обстоятельств, людей, эмоций...»

Из задумчивости Нору вывело появление соседки. Еще бы! Как только она узнала, что водитель цистерны гостит у Норы, тотчас примчалась. Без ее участия ни одно событие не обо-

дится. Пока Нора хмуро рассматривала незваную гостью, ее белокурая сестренка радовалась искренне и шумно. У нее в доме гости! Не один, а двое – то есть по-настоящему много. Тетя принесла две дюжины драгоценных печенинок, свежих! И целый пакет зеленого чая, настоящего, продаваемого россыпью сухих листьев, раскрывающихся в кипятке. Не дешевая труха по пять санти за пакетик. У этого чая есть вкус, способный заглушить затхлость воды и утолить жажду.

По столь особому и торжественному случаю, как большое чаепитие с гостями, малышка залезла на табуретку и, пыхтя, дотянулась до вазочки с конфетами. Выставила их все на стол и гордо обвела взглядом гостей. Нора вздохнула и промолчала. Ничего этой негоднице не жаль. Добрая. Последнее отдаст, не поскупится. Права соседка: надо ехать на отбор. И без соплей, без подленькой жалости к себе... Пусть она будет жить в казарме, зато Кира увидит нормальное небо.

– Норка, ну что ты за человек! – возмутилась соседка. – Очнись, хватит стенку взглядом протыкать! Рон согласился отвезти тебя в город прямо сегодня. Бесплатно. Хватай кофту – и в путь. Я кое-кому позволю, тебя пустят в общежитие на две ночи. Там, при военном колледже. Даже посмотрят вне очереди завтра.

– Рон? – вздрогнула Нора.

– Так точно, я, – рассмеялся водитель, по-военному вскидывая в приветствии руку. – Ты, странный детеныш, даже забыла со мной познакомиться.

– Детеныш, – рассмеялась забавному слову Кира, украдкой выбирая из горки в вазе уже пятое, если не шестое, печенье.

Нора смущенно кивнула. Как ловко получилось у парня «приветствие дню»! Сложное, полное. Рука идет сначала вперед, вовлекая все правое плечо, поворачивая корпус, выпрямляется параллельно полу, затем кисть взлетает и разворачивается, словно сжимая факел.

– Ну ты и молодец, Рон, – восхищенно добавила Кира. – Прямо настоящий даг! Я в кино видела. И в новостях. Сама пробовала, но у меня некрасиво выходит. Как будто я мух ловлю или пыль стряхиваю.

– Кирочка, собирайся, – заворковала соседка. – Твоя непутевая Норка уезжает, ночуешь у меня. Мама-то ваша на сутки ушла, и это – самое малое. Аврал на торфяниках, горит что-то у них, нехорошо горит, основательно. Люди потравились, а она ведь лучший наш врач, вот и вызвали.

Нора усмехнулась, торопливо разыскивая в шкафу самую приличную темную кофту. На такой почти не видны разводы юльской технической воды. Бросила в сумку коричневую майку, застиранные брюки, запасные сандалии, полотенце, зубную щетку, расческу. Прихватила документы, давно приготовленные в пластиковом пакете, на всякий случай.

Вот и все. Застегнуть молнию поплотнее, словно этим простым действием можно упрятать, отделить от себя и загасить непонятную злость на соседку, снова поднявшуюся со дна души, опасную и темную. Да чего тут непонятного, если честно... Рыжая лыбится, старается для гостя, все поясняет, вальяжно, по-хозяйски распоряжается в чужом доме. Прямо сияет показной добротой и блистает разумной, взрослой деловитостью. Точно ведьма – умеет производить выгодное впечатление.

Наверняка уже кофточку поправила, ненароком расстегнула еще одну пуговку – жарко. И дышит на него всем своим декольте...

Вообще-то это одна из причин нежелания идти на отбор. Не хочется жить так, как заведено среди ведьм. Правила известны каждому. О них что ни день твердят в телесети, на канале дагов. Да и реклама имеется. Опять же в школу, даже в окутанный рыжим горелым туманом Юльск, дважды добирались важные люди из большого мира. Военные и гражданские, целыми комиссиями. Проверяли детей, рассказывали о корпусе «Тихая ночь», о борьбе с эльфами, о

врагах Альянса и их коварстве, о долге перед родиной. И о привилегиях ведьм. А уж под конец, кратенько, об особых условиях и ограничениях.

Ведьмы не создают семей. Зарегистрированные официально, военнообязанные – те и вовсе приносят полную магическую присягу. Мол, никаких детей и привязанностей до окончательной победы над длинноухими. Почему? Потому что способность колдовать не наследуется, это известно наверняка. Подтверждено учеными. Статистика есть, все четко. Как и второй факт: беременность с высокой вероятностью выпивает и ослабляет врожденный потенциал. Все честно, от детей ничего не скрывают, предлагая выбирать себе не работу даже – призвание на всю взрослую жизнь.

«Ведьмы живут свободно», – утверждает брошюра для общего ознакомления. Беззаботно. Сегодня одному улыбаются, завтра другому. А еще не заводят друзей и люто мстят врагам. Одиночество – залог объективности. И гарантия от слабостей. Невозможно шантажировать того, у кого нет близких.

Нора выдохнула сквозь зубы и решительно застегнула внешний карман сумки, последний раз проверив документы. Ничего, она справится. Научится этому подлому «первому счастью» – наглости. Тогда пусть уже соседка завидует: у Киры будет все. И семья, и дети, и нормальная жизнь в чистом, безопасном районе зеленого благополучного города. Любая ведьма, если она прошла отбор, имеет право изложить одну просьбу и требовать ее исполнения. Она потребует.

– Готова? – уточнил Рон, досыта нагладевшийся на соседкину кофту и о чем-то успевший договориться с рыжей в коридоре наедине.

– Да.

Нора вышла из дома, дождалась, пока сестра выскользнет следом, блаженно улыбаясь и подмигивая с самым загадочным видом.

Осталось лишь запереть простой замок, в последний раз погладить волосы Киры, мягкие и легкие, как пух одуванчика из полустертых детских воспоминаний о зеленом счастливом Юльске. Заглянуть в ее удивительные серо-голубые глаза. Крупные, теплые, внимательные. Поцеловать светлую макушку сестренки – и отвернуться. Чтобы идти прочь от дома. Навсегда. И обязательно – не оборачиваясь. Ведь душа рвется и болит, невесть с чего предрекая большую беду, настойчиво требуя остаться. Только нет, не останется она. Врет чутье. Подло обманывает, потакая слабостям ведьмы: это жалость к себе кричит и рвется наружу, а не дар. Все мы предпочитаем заслоняться от бед, только разве можно сестрой? Беззащитной крохой Кирой...

Нельзя. Все решено.

Так правильно и честно: у мамы все равно нет денег оплатить обучение двоих детей в колледже второй ступени. Что же теперь, Кире жить неучем просто оттого, что она – младшая? Да и долгов у семьи Смарл немало. Мама молчит, но скрыть проблемы трудно. Соседка и та в курсе.

Рон вежливо подхватил сумку и понес ее сам. Нора обняла свободными ладонями локти, сжалась в комок, прогоняя предательскую дрожь.

– У меня появилась знакомая ведьма! – между тем восхищался Рон, ровно и мягко шагая рядом. – С ума сойти! Вот так поездка в захолустье на пару дней! Отпад... И я еще отказывался, упирался, даже выторговал доплату... Событий – на год хватит приятелям на басни. Эй, Норка, через годик я тебя обязательно навещу. И пойдем мы в кино. Даже сфотографируемся.

– Большое дело – ведьма, – смущенно пожала плечами Нора.

– Не скажи! Вы тут дикие, телесети верите. «Ведьм много» – да? Я тебе все по правде изложу, а ты сама смекай, что и как. Вас на целую провинцию всего один колледж готовит. И выпускает всего по дюжине настоящих ведьм в год. Если ты талантливая, как мне намекнул кое-кто, лет через шесть-семь дослужишься до майора. Потом стажировка, туда-сюда... Не

заметишь, как в столицу переведешься. Говорят, там ведьмы умудряются при хороших связях взлететь до генеральских высот за десять лет. Представляешь себя с эполетом?

– Глупости, – задумчиво отказалась от головокругительных и неправдоподобных перспектив Нора.

– Может быть. Зато как они отражены в звонкой монете, – с отчетливой завистью вздохнул водитель. – Пять – семь сотен руни в неделю, и это всего лишь у майора в нашей жалкой провинции.

– Не может быть, – охнула Нора, утратив привычную сдержанность.

– Да, этот городок ты бы купила целиком через год службы, – красиво преувеличил Рон.

Мысль оказалась занятной и многообещающей. Наглость – первое счастье... Слова соседки, гвоздем засевшие с утра в голове, теперь звучали иначе. Можно подлечить Киру, устроить не в жалкий колледж, а в настоящий институт. Выплатить старые мамины долги. Даже поднапрячься и купить машину. С фильтрами, кондиционером, совершенно новую. Нора трянула головой, отгоняя наваждение, но светлое будущее не желало растворяться в мути юльского горелого дыма. Да что там новую! Будут деньги – лучше старинную, в шикарном хrome, двухцветную: небесно-синюю с серым. Пусть Кира водит. Вся такая беленькая, чистенькая, в накидке из голубого меха, точно как бесподобная Эрика Миль в фильме «Дожить до рассвета».

Люди будут смотреть сестре вслед и шептаться. Актриса. Звезда. Красавица. И белокурая расточительница сможет кого угодно угощать печеньем – не жаль, когда живешь не на последние денежки. Маме вообще будет незачем работать. Хватит ей вкалывать на «Эгиш» сутки напролет. Устроит клумбу. Нет, целый садик с розами. На две с лишним тысячи руни в месяц можно и садик...

Нора села в кабину, грузовик взревел, тяжело зашевелился на тесной площадке, разворачиваясь в несколько приемов, и покатился по дороге. Прочь из Юльска. Дышалось легко: фильтры в кабине новые, современные. Сиденье оказалось мягким и уютным, с подлокотниками. Видимо, отсутствие привычной рези в глазах, убаюкивающее покачивание и чистота воздуха перевели мысли в самое приятное русло. Предчувствие беды улеглось, затихло. Нора охотно смеялась, выслушивая нехитрые байки водителя. Рассказывала про Киру. Кивала и обещала сходить в кино через год – точно, с чего бы ей начать задирать нос? К тому же она вовсе не черная ведьма, а так, беспородь невнятной серой масти...

Спустя полтора часа грузовик притормозил у шлагбаума, перегораживающего дорогу. Рон сбегал в будку дежурного, показал свои документы и предписание на посещение отбора, выданное Норе два года назад, каким-то чудом до сих пор сохранившееся в целости у предусмотрительной соседки. Не возникло ни проблем, ни даже малейшей заминки.

Шлагбаум со скрипом поднялся, мотор азартно взревел. И грузовик вырвался из владений концертна «Эгиш». Нора смотрела по сторонам до рези в глазах. Искала перемены и радовалась, замечая их. Вот небо утратило нездоровую желтизну, отодвинулся и посветлел горизонт. Трава налилась зеленью, ощутив влагу. Деревья стали живыми. Сперва кривоватыми, большими, с редкой сухой листвой, покрытой ржавой ранней желтизной и пятнами. Но чем дальше отъезжали, тем гуще становились кроны и стройнее стволы.

Рон сунул в пасть приемника диск с незнакомой веселой музыкой. И окончательно ошастливил Нору, когда в первом же поселке притормозил у ларька, сбегал туда и вернулся с пакетом еды. И еще водитель догадался подарить пассажирке литровую бутылку прохладной газированной воды. Очень вкусной.

Нора усердно резала колбасу и хлеб, собирала толстенные аппетитные бутерброды. Охотно ела их вместе с Роном.

Из кабины грузовика предстоящая жизнь выглядела весьма неплохо. Рыжая соседка права. Юльск – клетка. А армия, корпус ведьм – жителю отравленного города именно это и даст настоящую свободу.

К обеденному времени грузовик остановился на тихой зеленой улице богатой окраины Шанта, города-спутника столицы провинции. Рон еще раз сверился с картой и указал пальцем на ворота великолепного особняка.

– Это и есть твое общежитие. Точно.

– С ума можно сойти! – испугалась Нора. – Какой парк, чудо! И цветы, и решетка кованая – небось еще до Раскола тут стояла. И сам дом, ты глянь, каменный.

– Гномья работа, – подтвердил Рон без колебаний. Помолчал, со вздохом признал очевидное: – Пора прощаться. Мне еще гнать назад, на базу, до самой ночи.

– Извини, из-за меня ты...

– Из-за твоей соседки, – подмигнул водитель, споро выгружая сумку и помогая Норе покинуть высокую кабину. – Она все оплатила. Только тихо, я обещал ничего тебе не говорить. Не хочешь передать записку Кире? Я завтра буду в вашем городке еще раз.

– Ох, не сообразила! Спасибо, – смутилась Нора. Сунув Рону почти полную бутылку воды, торопливо нацарапала пару слов на клочке бумаги. – Отдай ей воду, там много осталось. И вот записка. Спасибо еще раз.

– Пока, ведьма, – подмигнул водитель. – Раста красивой, сильной и вредной. Но не забывай тех, кто тебе помог. Вдруг да получится замолвить за меня словечко. Всякое случается, вот доберешься до столицы – и станешь смотреть на Рона сверху вниз, генеральша... Не отнекивайся, привыкай к перспективам. Но пока что выслушай совет напоследок. Учись быть настоящей стервой. Сейчас это очень понадобится.

Нора кивнула, шагнула на тротуар. Суетливо поправила кофту, вцепилась в сумку. Посторонилась к самому газону. Грузовик выпустил клуб сизого дыма, в два приема грузно и шумно развернулся – ему, огромному и неуклюжему, было тесно и на этой широкой, по сравнению с Юльском, улице.

Но Рон управился, и скоро рев цистерны, такой знакомый, выученный за долгие годы до последней нотки, удалился, растворился, погас. Навсегда? Неужели ей больше не придется платить за воду и дышать гнусным торфяным дымом?

– Документы, – резко потребовал металлический голос за спиной.

Нора вздрогнула, обернулась. Неловко выронила сумку от неожиданности. Перед ней в открытой створке ворот стояла настоящая ведьма, выглядящая куда лучше, чем на любой картинке в глупых пособиях. В полной форме. И, естественно, на шпильках. Тех самых, известных каждому – боевых, с длиной и остротой каблука, как у хорошего стилета. Сама – стройная, красивая до неправдоподобия, в ладной черной блузке и короткой юбке, буквально облизывающих каждый изгиб безупречного тела. С волосами ниже пояса, глянцево-воронными, кудрявыми, густыми.

А лицо... Холодное, неподвижное, аккуратно и в меру доведенное до совершенства косметикой, красотой не уступающее портретам Эрики. Глаза темные, глубокие, серо-зеленые.

Ведьма прищурилась с отчетливой насмешкой, шагнула вперед. Не произнесла более ни слова, ловко и звонко отвесила глазающей деревенщине хлесткую пощечину. От боли и обиды сразу выступили слезы. Щека налилась саднящим румянцем. Нора невольно отшатнулась, споткнулась, цепляясь за сумку.

– Встань прямо, смотри в подбородок. Дура, сумку подбери. Откуда вас только берут таких... Не молчи, бумаги и адрес. Громко, внятно и без запинки. Или тебе нравится быть битой? С этим у нас нет проблем.

– Вот бумаги. Я из Юльска. Нора Смарл.

Нора закусила ноющую губу, удержала руку, готовую глупо, по-детски щупать горящую щеку. Юльск уже не казался страшным. Хотя... надо помнить о Кире и стараться. Нельзя сдаваться, даже не войдя в ворота. Голос черноволосой красавицы звучал ровно, уверенности в себе хватило бы на захват столицы и изведение до смерти всех эльфов мира. А вот про-

чего, внутри... Да никакая она не ведьма! Или прячет себя? Неужели возможно так замаскироваться? И заодно не ощутить, что сама Нора – как раз ведьма!

– Вызов просрочен, – лениво сообщила красавица, теряя интерес и не глядя более на Нору. – Пошла вон.

– А ты мною не распоряжайся, – разозлилась Нора, всего полчаса назад в собственных мечтах изловившая десяток эльфов и торжественно произведенная в генеральши. – Ты бездарь! А я ведьма и имею право на отбор. И пройду его.

– Ах ты...

– Не сойдешь с места, – мрачно предупредила Нора, сжимая кулаки, впиваясь ногтями в ладони. – И руки не тяни. Отнимутся.

– Неужели настоящая ведьма, да-а? – Женщина заинтересованно дрогнула красиво прорисованной бровью, чуть смягчив тон. Даже опустила занесенную для новой оплеухи руку. – Занятно. Настолько, что позволяет миновать эти ворота с просроченным вызовом. Если я не сойду с места, само собой.

– Мама говорила, нельзя вредить тем, кто плохого не сделал, – жалобно сообщила Нора, теряя весь свой «генеральский» задор.

– Придется сделать тебе плохое, сахарная. Ничего иного не стоит деревенская слюнтяйка, – ласково пообещала черноволосая и отстегнула от пояса хлыст.

Пятью минутами позже Нора гордо хромала через парк. Черноволосая красавица статуей замерла у входа. Надолго. А нечего было пытаться ударить по лицу... Впрочем, она только пыталась, даже, если разобраться и быть честной перед самой собой, напоказ злила.

На шум, а скорее даже на всплеск силы, осознанный теми, кто способен его воспринять, прибежали две рыжие стервы. И снова не ведьмы, куда им... Воткнули в шею иглу, добавили еще пару – в спину. Дар угас, и тогда Нору отлупили по-настоящему, не опасаясь быть немедленно и всерьез проклятыми. Но в ворота войти разрешили. «Значит, Рон сказал правду», – злорадно и почти весело подумала девочка, облизывая разбитую в кровь губу. Красивых женщин в ладно сидящей форме, с рыжими и черными волосами – полно. Они нужны для того, чтобы обыватели жили спокойно: ведьм в стране много, и они сильны. На самом деле все не так. Она – уникальная. Может быть, одна из ничтожной дюжины настоящих, найденных за целый год во всей провинции!

Скула наливалась болью от полученного удара. Ребра жаловались на остроту локтей рыжих охранниц. Ничего. Пустяки. Зато ей, безродной нищей Норе Смарл, выделили просторную комнату с душем и даже ванной. Выдали новую красивую одежду, указали место за столом для приема пищи. Накормили сытным вкусным ужином за счет колледжа. И оставили на ночь одну. Думать, строить нелепые планы и мечтать о скором спасении семьи из грязного душного Юльска.

Роскошь, достойная древних королей: мыться под настоящей прозрачной чистой водой, хлещущей щедрыми тугими струями, бесплатной. Сколько стоило бы такое купание в Юльске? Пятьдесят руни? Сто? Нора рассмеялась и нырнула под душ вторично – изводить дорогущее пахучее мыло, восхитительный шампунь. Гулять так гулять!

А после душа – кутаться в халат из натурального хлопка. Умопомрачительного и нерального. Уже лет пятнадцать хлопок не вызревает на землях Альянса Объединенных Провинций – АОП, как кратко называют страну ее жители. Его ввозят в очень малых количествах из-за Барьера, возникшего полвека назад, в период Раскола.

Нора не застала те времена, даже мама помнила их смутно, со слов давно умершей бабушки. В школе говорили: эльфы все начали. Они опасно исказили магию, нечто ужасное вырвалось в мир. Могучее, пожирающее природу. Гномы сочли *это* полезным для своих горных работ и заключили с *ним* союз. А люди... Люди даже толком понять ничего не успели! Те,

у кого было достаточно опытных ведьм, кто обладал решимостью, был в окружении нормальных соседей и успел включиться в общую борьбу, – все они и создали АОП. Противовес для жадных устремлений вечных, которым жизнь человека – один миг. Разменная монета в торге с магическим монстром.

В учебниках подробно изложена хронология Раскола. Встречи, бесконечные обещания, доброта напоказ. И сразу же – вероломные ночные атаки, разрывающие прежние договоры. Провокации, смущающие наивных, отравляющие сознание недавних союзников. Еще в книгах рассказывается о шпионах и попытках подорвать экономику мира людей.

Десять лет тянулись переговоры. За это время пришли в полный упадок, фактически погибли, две страны к северу от Альянса. Еще одна купилась на лживые посулы и покинула его состав. А потом все кончилось в один день. Оборвалось острой болью беды – Расколом...

На центральном развороте любой книги по истории страны обязательно размещаются пять портретов ведьм, погибших при отражении первой большой агрессии. Эльфы тогда, по сути, начали полномасштабную войну, используя биологическое оружие в сочетании с чем-то еще, не менее ужасным и явно магическим. Парный удар двух этих сил смел с лица земли большой мирный город на севере Альянса в одну минуту, и новый вид вооружения врага назвали биоружием, что означает «парное, или комбинированное, – ударно-биологическое».

Остановить эту неодолимую никакими лекарствами смерть удалось, лишь создав Барьер. Он впитал силу жизней создавших его ведьм и поднялся высоко, похожий издали на грозовой фронт. Каждый год его подновляют, заклинают на упрочнение. Могущество магии длинноухих велико. Но им не постичь того, что есть в людях, – умения жертвовать собой.

Нора усмехнулась. Выходит, она как раз из числа тех немногих, кто способен поддержать Барьер и, если надо, пожертвовать собой. Странно же тут встречаются начинающую свой путь к званию генеральши «героиню». Зло, неприветливо, холодно.

Потом в голову полезли совсем нелепые домыслы. Про бабушку Лору, заставшую времена Раскола. К сожалению, добрая старушка выжила из ума. Она презрительно отмахивалась от вопросов о биоружии и агрессии эльфов. И твердила шепотом, озираясь по сторонам и опасаясь рыжей соседки, что химия заводов Альянса – хуже любого вражеского изобретения. Что живых эльфов она видела, они милые и приятные, хорошие соседи и надежные друзья. Баба Лора правильно опасалась: за такие слова сразу отправят куда следует. Если их передать. Напиши донос – и готово дело, можно уехать из Юльска, за помощь в поимке пособников длинноухих хорошо платят. Нора горько усмехнулась, трезвея, приходя в себя. Быстро прошла в комнату и легла. Она еще не генеральша. И наглость – не для нее счастье, хотя назад дороги нет. Больно, неприятно вспоминать слова бабушки Лоры. Та ведь не про одних эльфов говорила. Упоминала с неизменным презрением о нынешних военнообязанных ведьмах. Цедила сквозь зубы, потирая старый шрам на плече: ни одной бескорыстной черной ведьмы, состоящей в корпусе, не встречала, да и не может быть таких. Корпус людям душу гноит, убивая всю природную доброту.

Заснуть удалось не сразу. Донимали, горели болью незаслуженные пощечины, подтверждающие правоту тех странных слов. Но еще мучительнее были соображения и предположения о предстоящей жизни в колледже. Здесь не ценят уважение, предпочитая послушание. Не поощряют умение мыслить, заменяя его заучиванием наизусть правил. Так написано в пособии о колледже ведьм. И, судя по первому впечатлению, все правда. Но ведь кроме ужасной, даже унижительной правды есть еще многое другое, хорошее и притягательное. Тот же хлопчатый халат. Или широченная кровать, а на ней – хрустящее белое белье. Прохлада туманного вечера. Шелест живой листвы парка, перебираемой восхитительным ветерком. Запах скошенной, может быть, первый раз за эту весну, сочной газонной травы. Все так безупречно...

Нора пыталась отвлечься от раздвоенности восприятия минувшего дня, от причиненных обид и смутных далеких ожиданий. Порой ненадолго удавалось успокоить себя. И тогда на

дне души снова принимался ворочаться червь полузабытой боли, скользнувшей холодком по позвоночнику при отъезде из Юльска. Так обычно опознается ее способностями ведьмы неотвратимая беда. Серьезная, опасная, крупная. Дома неладно. Кире плохо. Маме плохо. Всем плохо.

К полуночи луна вылила на пол два ведра серебряного сияния, яркого, текучего, плотного. В нем полоскался узор тонких занавесок, назойливо мельтешил перед утомленным взором. Переплеты окна черными крестами придавливали сияние к полу, словно старались погубить его. Темные мысли и предчувствия не уходили, но усталость постепенно взяла свое, и Нора прикрыла глаза, заставила тело расслабиться, постаралась дышать очень ровно и тихо. И наконец задремала.

Во сне беда обрела полноту силы. На поверхность серебряных омутов лунного света всплыли видения. Сперва блеклые, едва годные для распознавания. Потом все более подробные и отчетливые, словно растущий ужас добавлял им яркости и прорисовывал страшные и точные детали.

Рон бежит по горелому лесу, стремится убить кого-то, злобно хохочет, размахивая длинным ножом, – и сам умирает. Жутко и внятно видна его смерть: стоит на коленях, жалко вымаливая пощаду. Ничтожный, слабый, уродливый... захлебывается визгом. И сон приобретает угрожающий оттенок пролитой крови.

Кира плачет, тоже спешит через черный лес, спасаясь от погони, и горелые ветки тянут к ней свои закопченные когти, рвут платье, впиваются в кожу. Сестре страшно до немоты, дышать она едва решается. За спиной беда – не смерть даже, нечто гораздо хуже смерти. Кира спешит, хотя нет и тени надежды, ноги дрожат и подламываются.

Лорран беззвучно скользит в ночи, привычный к темноте и ловкий. Или не Лорран, а тот, кого он обычно играет в кино? Тени прячут его, лес, даже мертвый, помогает ему. Злодей достает свои знаменитые парные мечи эльфа Тиэля из «Кровавой полуночи», клинки шипят змеями, их владелец одними губами улыбается, пристально глядя в испуганное, серое лицо матери девочек. Потом протягивает руку маленькой Кире. Наивной крохе Кире, которая не умеет видеть в людях дурное и верит, что эльфы таковы, какими их описала бабушка Лора. Кира ни одного фильма не смотрела до конца. И ей не видно теперь, в темноте ужасной ночи, что на ладони Лоррана темными брызгами запеклась кровь... И глаза эльфа – темные, усталые, в них только что отразилась смерть.

Юльск задыхается. Юльск горит, кровь запеклась на телах, хлопья пепла ткнут сплошной саван. Отрезают прошлое, обрекают на одиночество. Окончательное, немое и мертвое...

Нора проснулась с криком. Вся, до самых корней волос, в холодном поту, даже халат промок. Дрожащая, жалкая, раздавленная видениями свершившейся беды, в которую не хотелось верить. Это очень по-детски: промолчать, укрыться с головой теплым одеялом, спрятаться, отгородиться, постараться забыть сон. И упрямо надеяться, что тогда он исчезнет, не сбудется. Глупо... Но теперь Нора готова была цепляться за самую слабую и наивную надежду. Лишь бы не звенела в ушах пустота, лишь бы пепел не мерещился, а запах горелой плоти не донимал память.

Она долго и усердно мылась под невыносимо горячей, обжигающей кожу водой, от которой шел пар. Но озноб не ушел. Кое-как дрожащими руками удалось натянуть новую одежду. На столике у кровати нашелся графин с водой, и Нора жадно выпила ее всю. Села без сил, попыталась отдышаться и собраться с мыслями.

Надо найти способ позвонить домой. Неизвестно даже, есть ли здесь телефон и разрешат ли им воспользоваться. Кого спросить? К тому же междугородные переговоры стоят, наверное, очень дорого.

В дверях возникла вчерашняя брюнетка. Бывают же на свете совершенные люди! И отчего такая дивная внешность достается мерзавкам без души, без совести и доброты? Спасибо хоть, дара ведьмы ей не отмерили! Про телефон у нее спросить не получилось, та и слова не дала сказать.

– Тебя ждет директор, – знакомым металлическим голосом сообщила красавица. Усмехнулась и добавила: – За вчерашнее я тебе отплачу, сопливая деревенщина. Так и знай. Здесь ты никто. И удавишься гораздо раньше, чем закончишь колледж. Во-он той веревкой от штор. Тварь, из-за тебя... а, ладно. Сочтемся. Помогу петельку завязать на твоей веревке.

– А ты будешь жить долго и с икотой меня вспоминать, – без особой злости ответила Нора, охотно сбрасывая на гнусную бабу свой ночной страх в виде вполне действенного темного пожелания. Почему-то всерьез мстить не получалось. Было что-то очень искреннее в обвинениях охранницы. Гнев? Непонятно за что. Но рыжих, избивших ее вчера, Нора наказала с большим азартом, чем эту, отстоявшую несколько часов без движения, уже получившую свое. Нора вздохнула и закончила фразу: – Как подумаешь гадость, сразу...

– Бк...

– Вот так, – копируя ласковый тон красавицы, сообщила Нора. – И это не исчезнет, даже если я умру.

– Бк...

Не будь жутких снов и отчаяния, сгибающего и опустошающего куда сильнее физической боли, Нора никогда бы не поступила подобным образом, не прокляла. Но сны были. И новую волну чужой – да и закипающей своей, ответной – злобы пришлось погасить так, быстро и решительно. Нора давно усвоила, что существует некий порог эмоционального накала, перейдя который она себя плохо контролирует. Миновав его, она может пожелать что-то непоправимое. Окончательное. Бабушка Лора, добрая душа и умница (пока не затевала своих странных разговоров о Расколе), учила сдерживать злобу без вреда для людей. Или хотя бы ограничиваться мелочами. Вроде икоты.

– Следуй за мной, – куда более мрачным голосом предложила брюнетка.

И добавила закономерное «ык». Вместо слова «тварь», не иначе...

Директором колледжа – кстати, в высоком звании полковника – оказалась роскошная рыжеволосая ведьма лет сорока... или пятидесяти? Поди пойми. Настоящая, сильная, стройная и холодная, как ледяной айсберг. На провожатую, давящуюся икотой даже теперь, когда пришлось вытянуться по стойке «смирно», директриса глянула с умеренным интересом. Как на малоценную вещь.

– Сержант Марша Тивис... Опять! Сколько раз я тебя предупреждала: не доводи моих малышей до крайности. Уволю. Не в запас, а в связи с нарушением дисциплины – сдохнешь на помойке.

– Бк...

– Ох ты, и меня почти вслух назвала тварью? Не отводи взгляд, я тебя знаю и без этих глупостей с чтением мыслей, было бы что читать! – Рыжая директриса пренебрежительно усмехнулась уголками губ, с напускной задумчивостью изучила свои безупречные алые ногти. – Так, подумаем без спешки.

Нора сжалась и тоскливо глянула на Маршу. Злодейку было уже здорово жаль. Потому что по сравнению с этой полковницей она – воплощенная доброта и кротость. Даже свою холодную манеру говорить, едва разжимая губы, скопировала с директорской. Но в исполнении брюнетки ласковый голос настораживал, а вот при первых звуках воркующего тона хозяйки огромного кабинета хотелось бежать прочь, без оглядки, далеко и не останавливаясь.

– На кухню, – закончив рассматривать лак на мизинце, сообщила свое решение директриса. – В часть сопровождения дагов, север провинции, лагерь двадцать семь – девять. Иди. Я оповещу там кого следует, что ты не совсем ведьма. И работала в юности по... специальности.

– Не надо, – залепетала брюнетка. – Умоляю.

Она поникла, затем решила, рухнула на колени и поползла к столу, торопливо обещая исправиться и уговаривая простить ее. Директриса не мешала. Сидела у стола, лениво качала алую туфельку на пальцах красивой стопы с высоким подъемом и наблюдала. Довольно усмехнулась, лишь когда женщина подползла к самым ногам.

– Я еще подумаю. И ты подумай, перед кем себя выставлять ведьмой, а перед кем ползать, не затеяв спор. В гордость мы играем... В незави-исимость. В собственную зна-ачимость мы порой необдуманно верим, – насмешливо растягивая слова, сообщила директриса. Добавила куда более деловым тоном: – Ползи к главному входу. И там стой до вечера. На коленях, само собой. Текст помнишь?

– Да, – с явным облегчением кивнула Марша. – Я жалкая тварь. У меня нет способностей. Я здесь из милости.

– Именно. Ну ползи.

Нора посторонилась, открыла дверь кабинета и с ужасом проследила, как женщина ползет по ковру, не переставая повторять одни и те же слова. Громко, отчетливо.

Еще сильнее захотелось домой. Да лучше умереть в Юльске от удушья, чем стать такой, как эта полковница.

– Садись, детеныш, – усмехнулась обладательница алых ногтей и указала на удобное кресло напротив своего. Точнее, под углом к нему, у невысокого круглого столика, к которому рыжая полковница уже переместилась.

Нора аккуратно устроилась на краешке мягкого кожаного сиденья, размерами больше похожего на диван. Скользя и излишне мягкая подушка, впрочем, немедленно проглотила девочку, обняла со всех сторон, втянула, погрузила в самые недра ловушки. Сидеть так было вроде бы удобно. Вместе с тем возникало ощущение плена и полной зависимости от воли хозяйки кабинета. Казалось, невозможно даже выбраться из объятий кресла без посторонней помощи.

Да еще это словцо – «детеныш». Странное, однажды уже произнесенное другим человеком. Роном.

Пока Нора пыхтела и боролась с креслом и мыслями, директриса успела ее рассмотреть. Пристально, бесцеремонно и молча.

– Итак, нет смысла проводить отбор, – вздохнула она наконец. – Ты ведьма, черная – потенциально, по крайней мере. Вопрос в ином. Годишься ли ты для своего высокого предназначения? Для борьбы, которую мы ведем без надежды на скорую и окончательную победу. Без уверенности в награде и повышении. Ты – тонкокожая неженка, не знающая силы нашего врага. Тебе эту дуру Маршу жаль. А мы ведь на службе. Мы людей подозреваем и даже убиваем, детеныш.

– Я думала... – испуганно пискнула Нора.

– Само собой, прежде всего мы ищем и обезвреживаем эльфов, – кивнула директриса. – Но у них есть пособники и сторонники. Есть глупцы, купившиеся на их золото и иные посулы. Знаешь, вчера, когда ты шла через парк, жалея себя и хныкая, я была здесь, смотрела в это окно. И сочла, что ты нам не подходишь.

Рыжая ведьма решительно сбросила одну туфельку, затем вынула ногу из второй и поглубже утонула в соседнем кресле. Некоторое время молча изучала окно, словно заново перебирая вчерашние свои наблюдения и сомнения. Вполне точные и обоснованные, по мнению Норы.

Директриса вздохнула, виновато развела руками. Вот и кончился отбор...

Нора почти обрадовалась: скоро она снова вернется в Юльск! И не будет ни колледжа, ни ужасной присяги, ни ползающей по коридору икающей Марши.

Не будет? Тогда почему она здесь? Выставить за порог можно, не приглашая в свой кабинет.

– Все изменилось, – сухо бросила директриса. И добавила ровным голосом, без выражения: – Ночью. Сегодня. Кстати, как ты спала?

– Кошмары, – кое-как выдавила одно слово Нора, подавшись вперед.

По спине снова ползла холодная капля пота. Не поедет она в Юльск. Не поедет, точно. Все действительно плохо. Даже, пожалуй, окончательно плохо... Не во сне – в реальности. Разве хоть раз обманывало чутье?

Рыжая мельком отметила смену оттенков отчаяния на лице новой ученицы. Чем быстрее и глубже, тем сильнее дар, это она знала наверняка. И осталась весьма довольна результатом.

– Итак, ты ведьма. Не вижу смысла щадить тебя. Жизнь надо принимать такой, какова она есть на самом деле. Вот экран. – Алые ногти блеснули, когда пальцы задействовали пульт в подлокотнике. На дальней стене разошлись две большие панели. – Я дам тебе просмотреть полную рабочую запись. Получила ее с курьером час назад. Сама еще не видела, только прочла сопроводительное письмо. Сокращенная версия видео, без тяжелых подробностей, пойдет в вечерних новостях. Прими мои соболезнования, хотя в адрес ведьм их не принято высказывать. Но всех в одну ночь...

– Да кому нужен наш Юльск? – Нора в последний раз отчаянно попыталась не поверить в сбывшийся кошмар.

– Я тоже виновата, – сухо и зло сказала рыжая. – Следовало съездить и проверить лично. Были сигналы... Мы тоже подумали: кому нужен ваш гнилой городишко? И отправили одного наблюдателя. Ты знаешь его как Рона. Знала. Он не вернулся с задания, хотя был вполне опытным дагом. В звании капитана, кстати. И не провинциальная заштатная часть – корпус «Ясный день», элита.

Экран ожил, и Нора стала смотреть на него вопреки растущему с каждым мгновением желанию прикрыть веки и не видеть. Не знать. Даже не догадываться, что подобное может произойти в Юльске. По-настоящему. Не в очередном тупом фильме про эльфов, к которому привыкли и более не находят в ужасе ужаса. Смакуют детали и видят в них лишь «мрачную красоту идеально выполненных спецэффектов»... Нет никаких эффектов. Есть обыденный и необратимый кошмар свершившегося в тихом, заброшенном, вымирающем, никому не нужном городе. В Юльске, отгороженном надежным шлагбаумом и колючей проволокой от всего мира и даже от самого Альянса. В городе, принадлежащем концерну целиком, со всеми людьми, если уж честно. На землях, находящихся почти в центре одной из наиболее спокойных провинций. В полутора тысячах километров от границы АОП.

Но эльфы добрались и сюда... неуловимые, безжалостные, несущие смерть.

Нора смотрела на экран и более не пыталась отвести взгляд. Наоборот, запоминала. Ловила детали. Вряд ли ей позволят еще раз изучить запись. Снимали наспех, кадры повторялись, целые куски дублировались с разных ракурсов. Руки у оператора, видимо, дрожали – временами картинка теряла четкость. Нора сразу поняла: это – настоящее. Та самая оперативная съемка, о которой даги то и дело упоминают в фильмах про эльфов. Только на сей раз и пожар, и кровь – не бутафорские. И трупы – тоже.

Погибших ко времени прибытия оператора уже сложили в длинный ужасный ряд. Аккуратно накрыли белыми простынями, во многих местах сразу пропитавшимися кровью. Темной, засохшей. И свежей, еще красной и продолжающей сочиться...

Лица еще не укрыли. Оставили для опознания. И Нора с ужасом, лишаящим дара речи и способности думать, глядела, закусив губу, и опознавала. Старую Лору, библиотекаря, соседку. Управляющего торфоразработками, мастера участка, водителя Рона. Владелицу последнего

городского кафе, ее семилетнего сына, приятеля Киры. А потом – она так надеялась, что их нет среди погибших, ряд тел уже почти весь остался позади – Киру, совсем маленькую и очень бледную. Маму...

Директриса погасила экран. Еще раз задумчиво глянула на маленькую ведьму. Усмехнулась. С умными, не склонными считать, что цель оправдывает средства, с лишенными подлинной жадности славы, с самыми талантливыми – труднее всего. Эта малолетняя дрянь не станет ползать, как трусливое ничтожество Марша. А если и научится кланяться, что толку? Изпод палки способности не развить. Зато теперь Нора Смарт, девочка с высочайшим скрытым потенциалом развития, без сомнений, сама приложит все старания, чтобы выйти из колледжа настоящей сильной ведьмой. И будет служить стране как верная собака. Даже даром, невзирая на голод, насмешки и побои хозяина. Такие очень нужны.

– Иди. Сегодняшний день в твоём распоряжении. Я пришлю твоего личного наставника, следует обсудить план учебы на год. Придется вклиниваться в группу, нагонять, ты приехала поздно. А пока надо оформить документы на наследство, тебе, как родственнице жертв произвола наших врагов, полагается немалая сумма. Потом поедешь на похороны, я дам машину. Собственно, их уже захоронили, но можно посетить могилу, – мягко говорила рыжая ведьма. И ждала ответа.

– Я не поеду, – вполне закономерно отозвалась Нора. Голос был тихий и очень спокойный. – Не хочу терять время. Мне стыдно и больно. Я никогда не верила, что эльфы вообще существуют. Теперь я знаю: они есть. И какие они, тоже знаю. Но я приложу все силы, чтобы стало иначе. Чтобы ночь сделалась тихой и безопасной.

– Значит, желаешь попасть в группу поиска, – насмешливо предположила директриса. – Наивное устремление. У меня у самой не худшие данные по дару, но не прошла отбор, как видишь. Здесь маловато злости или личных мотивов для мести длинноухим. «Тихая ночь» – элитное подразделение.

– Я постараюсь. – Губы у Норы дрожали. – Очень.

– Хорошо. Я это запомню. Иди.

Нора кивнула и вышла в коридор. Стены плыли перед глазами. Она не помнила, как добралась до своей комнаты. Попыталась хоть немного успокоиться, взялась слепо, на ощупь, разбирать вещи. Старую кофту повесила в пустой шкаф. Бросила на полочку коричневую майку, брюки. Безразлично вытряхнула на пол вторую пару...

И села, окончательно раздавленная.

Она никогда не умела собираться аккуратно. В этот раз тоже свалила вещи в сумку комком, не глядя. И хитруля Кира успела-таки сунуть в самую середину кома свой старый вышитый мешочек для ценных мелочей.

Теперь он выпал, раскрылся. На ковер выкатились шесть печенинок и даже две конфеты. Не съела ни кусочка за столом. Сестре в дорогу набирала, опустошая вазу. Потому и улыбалась самым загадочным образом, покидая дом.

Нора бережно уложила вкусно пахнущие печенинки в мешочек. И с отчаянием подумала: нет никаких сил поверить в то, что Киру кто-то обидел. Разве ее – можно? Разве на такую поднимется рука? У человека – нет.

Только ведь они – не люди...

Глава 2

Ак-банто. Ночной полет

Кира долго и усердно махала рукой вслед сестре. Грузовик уже скрылся, пыль осела, а потом стих и звук двигателя. Рыжая соседка, самое гнусное, по мнению младшей дочери семьи Смарл, существо в городе, ждала с непривычным спокойствием. Не одергивала, не пыталась ударить.

Это при Норе или маме она добрая. Зато без них – настоящая ведьма, как в старых сказках бабушки Лоры. Только разве можно жаловаться? У всем и без ее мелких обид достаточно проблем. Ну как сказать сестре, что ноги болят по-настоящему? Потому что рыжая тетка ударила вчера палкой.

«Не ходи, маленькая дрянь, по моему зеленому газону!»

Больно надо по нему ходить! То есть ходить как раз очень больно, после вчерашнего удара палкой. И показная забота этой гадюки никому не нужна. Самое неприятное то, что баба Лора занята и не может забрать Киру прямо сейчас к себе в гости, как делала много раз, спасая от соседки.

Терпение гнусной ведьмы иссякло, она впиалась своими острыми ногтями в плечо девочки, грубо потащила к дому. Розовому. Слащавому и ненастоящему, как сама соседка. Лучшее, что в ней есть, – это умение печь. И почему оно выделено при рождении и без всякой осмотрительности гадкому, недоброму человеку, не желающему угощать гостей?

– Сколько сахарных крендельков отдала своей Норке? – прошипела рыжая. – Вот дрянь! И не постыдилась, полную горсть нагребла. Они стоят, между прочим, семь руни за упаковку. Не тебе принесла и не этой соплюхе. Достается же настоящая сила ведьмовства таким ничтожествам – ну почему?

– Ты их не выпекаешь! – обрадовалась раскрытию страшного секрета Кира. – Так я и знала! Покупные.

– Ну и что? Сиди стриги траву у дорожек. И учти: помнешь...

– Да знаю я, – отмахнулась Кира. – И про палку, и про чулан.

– То-то же.

– И когда ее эльфы придушат? – с надеждой спросила у самой себя Кира, едва соседка скрылась в доме. – Они же ведьм терпеть не могут, вот и занялись бы делом.

Белокурая сестра Норы иногда целыми днями придумывала продолжения к фильмам Лоррана. Получалось замечательно. Он приезжал в Юльск на великолепном огромном грузовике и привозил воду. Бесплатно, для всех жителей, и вода в цистерне по воле волшебства не заканчивалась и не нагревалась. А еще красивый эльф ловко выгонял соседку, размахивая своими клинками. Да так яростно и лихо, что рыжая злодейка шипела, жаловалась, но уходила насовсем. В ее домике удавалось найти целый склад печенья. Еще Лорран привозил маме волшебное лекарство от кашля. И обязательно дарил новое платье сестре Норе. И не абы какое, простенькое, а то самое, с накидкой из настоящего голубого меха. Старшая сестра часами рассматривала фотографию с этой глупой накидкой на плечах симпатичной актрисы Эрики Миль. Вздыхала, кончиками пальцев, едва касаясь бумаги, гладила листок, давно истертый до потери деталей изображения. И снова убирала снимок в ящик стола, решительно, со стуком его захлопывала – и отрезала от яви свою несбыточную мечту...

Кира вздохнула, поудобнее перехватила тяжелые ножницы для стрижки газонной травы и стала ее ровнять. День впереди долгий, жаркий. Вряд ли соседка позволит отдохнуть в тени. Надо терпеть.

Небеса, вот уж небывалое дело, сжалились над Кирой и явили чудо. Не самого Лоррана, нет. Сладко улыбающуюся соседку. После полудня она подплыла, до ужаса – по мнению Киры, знакомой с последствиями таких фальшивых чудес – ласковая и приветливая. Пригласила в дом. Накормила обедом. Угостила ледяным апельсиновым соком, совершенно настоящим, свежееотжатым. Подобного Кира не пила ни разу в жизни.

– У нас праздник, Кирочка, – завела разговор соседка совсем уж незнакомым тоном. – Твою сестричку приняли в колледж. Мне только что позвонила сама директриса. Тебя тоже хотят проверить. Норка, вот ведь ловкая девка, расстаралась. Иди собери вещи и оденься покрасивее. К вечеру приедет Рон.

– Мы будем учиться вместе? – не поверила своему счастью Кира.

– Да, такое очень вероятно.

Все мысли о соседкиной подлости исчезли в потоке бурлящей радости. Кира восторженно запищала, схватила ключ и побежала домой. Торопливо достала почти новое платье, купленное мамой давно, еще для Норы. Сестра надевала его один раз, в первый школьный день. Бледно-голубое, с настоящими кружевами и оборками. Отличное, яркое, без единого пятнышка от ржавой воды.

Кира вытащила из шкафа тяжелый утюг, усердно выгладила наряд, подобрала к нему ненадеванные белые носки. Поставила табуретку на стул и кое-как дотянулась до верха шкафа. Щеткой на длинной ручке скатила на пол коробку, содержащую главное сокровище – шляпку, связанную из белых толстых ниток бабушкой Лорой. Лучший за всю жизнь подарок на день рождения!

Потом еще пришлось возиться, долго и тщательно укладывать волосы. Не маленькая ведь она, прическу сделать способна. Не доверять же такое дело соседке.

К рыжей злыдне Кира вернулась уже в ранних сумерках. И была встречена совсем ласково, тепло и даже с искренней радостью. Подумать над странным поведением соседки не удалось. Приехал Рон. Быстро простучал ботинками по коридору, кивнул, улыбнулся. Передал записку от сестры. Короткую: мол, все в порядке, жду. «ЖДУ» было написано жирно, большими буквами, во всю бумажку. Много раз обведено.

Вообще-то для Норы такое послание необычно. Не любит она подчеркивать и писать крупными печатными буквами. Но ведь и случай особый!

Кира беззаботно отдала свою сумку водителю, который так спешил, что даже отказался от чая: ему еще на какую-то базу грузовик гнать. Видимо, сообразила Кира, шагая по дорожке и едва попевая за Роном, эта база находится страшно далеко. Соседка тоже спешно выбралась к калитке и улыбалась вслед так сладко...

Из-за угла, чуть не под колеса грузовика, вывернулась бдительная бабушка Лора, удивленно всплеснула руками, упомянула какой-то непонятный электронный и вполне привычную для бабушкиных ругательств, хоть и неведомую, кривую кирку. Потом баба Лора исчезла, не задержавшись, не уточнив подробнее, что тут происходит. Более того, не поздоровавшись толком...

А Кира уже сидела в широком кресле пассажира. С высоты кабины весь город казался ей игрушечным. И дышалось в кабине легко. Смешное дело: можно прикрыть глаза и понарошку решить, что и во всем Юльске сейчас совсем не пахнет гарью. Кира лукаво улыбнулась: это потому, что водитель настоящий эльф! Добрый и справедливый, совсем как она придумала в продолжениях фильмов. Значит, все теперь станет волшебным и замечательно.

Рон вел машину неторопливо. У последнего дома остановил грузовик и надолго ушел – с кем-то требовалось переговорить по телефону, как пояснил он. Вернулся уже в густых, как чернила, ночных потемках. Подмигнул, сказал, что «удачно уладил детали». Грузовик снова взревел, зажег желтые фары и покатился по пустой дороге, отодвигая темноту пучками плот-

ного света. В лучах крутились черные бабочки, похожие на пепел, слоистый дым волнами накапывался на стекло и таял в темноте... Это выглядело и красиво, и немножко страшно.

Когда двигатель перестал надсадно реветь и машина затормозила, Кира поежилась и плотнее вжалась в спинку сиденья. Грузовик замер у изгиба старой бетонки. Фары медленно угасли, ночь окатила дорогу мраком и неприятной скрипучей тишиной. Лес здесь подступал к обочине вплотную. Корявые пальцы самой длинной ветки постукивали в стекло, словно предлагая выйти из машины. Свет рыже-багряной луны кое-как пробивался сквозь дымный воздух. Черные стволы казались то зловеще-зеленоватыми, то ржавыми, то покрытыми спекшейся кровью. А сам дым клубился, слоился темными мерзкими прядями. Это было неприятно и очень похоже на кадры из фильмов. Обычно именно с этого места Кира старалась их не смотреть.

– Почему мы остановились? – шепотом удивленно спросила Кира.

– Видишь ли, ты любишь первую часть фильмов Лоррана, – неприятно усмехнулся Рон. – Но я-то предпочитаю вторую. Отличная декорация, не находишь? Горелый лес, дым. Полнолуние. И маленькая беззащитная девочка.

– Глупости, – тряхнула головой Кира, запрещая себе бояться. – В Юльске нет эльфов. Зачем им наш городок?

– Сам пока не знаю, как мы это объясним Норе, – пожал плечами Рон. – Разве что тебя зверски убьет эльф. Тогда пояснения вообще не понадобятся, я прав? Ведьмы с большими способностями, кукла, – это уникальная редкость... И они должны верить в то, чему служат. Ну чего сидишь? Беги.

Глаза водителя блеснули недобрым весельем, и Кире стало совсем страшно и очень холодно. Она запоздало сообразила: уехала из дому, никому ничего не сказав. Маме не оставила записку, даже не позвонила в больницу или в контору, оттуда бы передали сообщение...

Рон неторопливо достал и бережно развернул длинный сверток. Девочка с ужасом рассматривала темные ножны. Услышала, как шипит, покидая их, сталь клинка. Кира толкнула дверь и выпрыгнула в сухую траву. Побежала к лесу, понимая, как все это безнадежно и бесполезно.

Скоро позади захрустел, намеренно шумно ломая черные горелые ветки, затопал и засвистел Рон.

– Я не слышу тебя, кукла, – смеялся он. – Кричи, умоляй, тогда убью быстро.

Кричать Кира не собиралась. Она бежала сосредоточенно, изо всех сил. Ветки рвали кружево, путали волосы, зло впивались в кожу, как рука соседки-ведьмы. Весь затылок превратился в сплошной ком льда, оттуда по спине сочился ужас неизбежности скорого и страшного конца этого кошмара. Хруст веток настигал, смех Рона звучал все громче. А потом Кира перестала его различать, осталось лишь собственное, сорванное и хриплое, отчаянно поспешное дыхание. Да стук сердца в самом горле, словно оно вот-вот выпрыгнет...

Кира не видела дороги, да ее и не было. Петляла, падала, снова поднималась, перебиралась через поваленные стволы, проползала на четвереньках под корягами.

В чужое колено она уткнулась лбом со всего маху, коротко пискнула и затихла. Добежалась...

Убивать, правда, никто не торопился. Пугать – тоже... Кира кое-как уговорила себя выползти из-под давно упавшего сухого ствола, больно ободравшего спину. Отдышалась. В лесу было тихо и, странное дело, довольно светло. По крайней мере здесь, на холме. Ветер разогнал дым и заодно страх. Можно, пожалуй, свободно вздохнуть. Встать, выпрямиться. И решиться глянуть повнимательнее на того, кто молча ждет рядом. То есть сперва рассмотреть потертые брюки, потом широкий кожаный – наверняка натуральный и страшно дорогой – пояс, мягкую темную рубашку. Куртку, небрежно перекинутую через плечо. Подбородок. Уже понятно – не Рон! Этот одет совсем иначе, да и сам другой. Выше, крепче. Волосы гораздо светлее, волнистые, густые и удивительно длинные. Похоже, он и не злодей. Рядом с ним, вот

уж точно, не страшно. Успокоенная первым открытием, девочка скользнула взглядом выше, с огромным интересом и почти без страха.

– Ух ты! – восторженно выдохнула Кира и улыбнулась. – Эльф. То есть даже сам Лорран. Ничего не понимаю!

– Но не кричишь, – подмигнул незнакомец. – Умница. Забирайся к дяде на ручки, дядя бегаёт по лесу лучше, чем ты. И видит в темноте, как заправский эльф.

– Ты чего со мной разговариваешь, как с малявкой? – возмутилась Кира, сразу уверовав в безвредность странного чужака. – Мне вообще мама не разрешает общаться с посторонними.

– Как же ты, послушный ребенок, тут оказалась? – поинтересовался Лорран, сгребая добычу и закутывая в куртку. – Идем. Вот сейчас мама тебя ка-ак воспитает!

– Эй, Лорран, а ты настоящий? Какие-то у тебя уши слишком длинные, дядя...

– Это уже из сказки про волка, – усмехнулся дядя, игнорируя вопросы. – Нормальные у меня уши, не выдумывай. Бабушка Лора тебе рассказывала про волка и непослушную девочку, которая одна ушла в лес?

– Да. У волка были длинные уши, острые зубы и большие глаза, – охотно перечислила приметы Кира.

Заинтересованно намотала на палец прядь волнистых волос. Мягких и приятно пахнущих живым лесом, цветами. Она сама так решила: волосы дивного незнакомца иначе пахнуть не могут... На руках у дяди, в его куртке, было уютно и удивительно хорошо. Никакой Рон не страшен рядом с самим Лорраном! Кира деловито высвободила руку и снова проверила ухо эльфа. Потом попыталась ковырнуть зуб, расшалившись от внезапно свалившегося с плеч груза ледяного страха.

– Отстань, послушный ребенок, – взмолился «Лорран».

– А куда мы идем?

– К большому мальту. Видишь ли, ваш Юльск решили извести. Совсем. Нас вызвала тетушка Лора. Спасибо, успела, а то пропали бы вы.

– Кого это – «нас»?

– Спасателей, – нехотя буркнул мужчина. – Вообще-то это против правил. Далеко вы от границы. К тому же ваш АОП всем надоел, одни проблемы с ним. И с беженцами тоже.

– Так не надо нас травить этим... биоружием. Или как его там?

– Длинная история, – вздохнул спасатель. – Полагаю, ты ее узнаешь целиком, но не здесь. И не от меня.

– Почему? Ты же спасатель, вот давай спасай. Успокаивай меня, – ловко испробовала Лоррана на устойчивость к капризам белокурая хулиганка.

– Я остаюсь в Альянсе. Я здесь работаю уже седьмой год. Так что попрощаюсь, усажу в мальта – и вернусь в столицу. Вон, кстати, твоя мама.

Вдова Смарл охнула, торопливо подхватила дочку, крепко обняла и заплакала. Кире пришлось самой спасти маму. Успокаивать ее и много раз обещать больше никогда не ездить с плохими дядями на грузовиках, особенно ночью. И к соседке не ходить. Кому вообще нужны ее покупные печенины?

Странный Лорран оставался поблизости, на опушке леса. Готовил нечто малопонятное. Разложил на земле несколько красивых фонариков, слегка светящихся, очень нарядных. Стал разговаривать по телефону, хотя рядом не было ни провода, ни будки.

Потом от леса подошли мрачные и сосредоточенные бабушка Лора, библиотекарь, хозяйка кафе и несколько мастеров с торфоразработок. Бросили пару слов незнакомцу, недоверчиво косясь на его уши. Точнее, довольно невежливо пытались их рассмотреть.

– Мам, ну перестань наконец плакать, – запереживала Кира. – Лучше объясни – эльфы что, уже не самые плохие?

– Не знаю, – растерянно пожала плечами старшая Смарл. Огляделась, не отпуская руку дочери. – Лора! Я вас умоляю, скажите, что происходит? Вы-то знаете, вы нас всех подняли и собрали.

– Бабушка, а ты эльф? – добавила Кира от себя важный вопрос.

– Нет, на кой мне это баловство, с вечной-то жизнью, – рассердилась Лора, устало присаживаясь рядом, прямо в сухую пыльную траву. – Но кого следует знаю. Толкового, еще с давнишних времен. Как смекнула, что загубить хотят Юльск, так и стала слезно уговаривать принять нас, погорельцев, спасти. Люди, как мне объяснили, отказались помогать. Не захотели маяться с чужаками бесполезными. Опять же добираться до Альянса – большой риск. И немалые деньги. Гномы, чудное дело, посочувствовали и берут к себе. Будем жить аккуратно на границе ихних земель и эльфийских. И без всяких дурных электрониев. – Бабушка погладила мягкие волосы Киры, добавила важно и гордо: – Зато с парным молоком. Ты хоть знаешь, что это такое?

– Даже я уже не помню, – грустно усмехнулся фальшивый Лорран. – Лора, передашь записку моим, а? Там недалеко. Сходите с Кирой в гости к королеве.

– К королеве? – всплеснула руками девочка.

– Она умеет печь пироги, – мечтательно вздохнул Лорран. – Лучше всех. Кира, скажи ей, что я хорошо кушаю, не лезу в опасные истории и вообще молодец. Ладно?

– Ладно, – великодушно согласилась девочка.

Между тем до полянки у края леса добирались со стороны Юльска все новые люди. Тихо покидали дома, гасили свет и шли, собрав самое необходимое. Для кого-то оказалось непосильно расстаться с фотографиями. Библиотекарь приволок две огромные, неподъемные стопки книг. Мама Киры сидела, нелепо сжимая в руках старую фарфоровую чашку, отцову любимую. Кажется, она схватила вообще первое, что попало под руку. Бабушка Лора выставила в рядок три горшка со своими бесподобными фиалками.

Только соседки, рыжей и мерзкой, не было нигде. И Кира знала в самой глубине души: не надо спрашивать о ней. Те, кто пришел со стороны леса, знают и про ведьму, и про подлого Рона. Но не скажут. Все решено, и это было решение взрослых, ей не надо знать. Довольно и того, что эти страшные люди больше никому не навредят.

Вверху, в темном, укутанном войлоком дыма небе, качнулась тень. Скользнула, разрастаясь, ниже. Замерла над поляной, накрыв целиком ее, а заодно и полгорода.

В красивом цветном фильме в школе Кира видела нечто подобное. Называлось оно ска-том и обитало в теплом море. То есть в воде, соленой и безбрежной. А сейчас очень похожее, но огромное и летающее, висело над головой. Кира ловко выдернула руку из маминой ладони и побежала к Лоррану. Вцепилась в его великолепный кожаный ремень. Заодно и проверила: точно, кожаный... Держаться удобно и дергать – тоже. И щупать узорные пряжки.

– Ну-ка скажи, а это скат?

– Мальт, – подмигнул тот. – Магический летающий зверь.

– Как грузовик? И даже как самолет?

– Почти. Только живой. Поздоровайся, он любит детей. Его зовут Эгли. Великих мальтов всего десять. Этот старший, самый сильный и умный. Он наловчился прятаться от ваших радаров.

– Молодец, – одобрила Кира. – Здравствуй, Эгли!

Волна прокатилась по плоскому телу, длинный узкий хвост дрогнул, метнулся, со свистом рассекая воздух – и кончик его мягко замер в траве рядом с Кирой. Издали хвост выглядел тонким. Вблизи он оказался огромным, как колонна старого здания городской управы. Гладить мальта Лорран разрешил, несмотря на переживания и страхи мамы. А сама Кира ничуть не испугалась магического зверя.

Хвост на ощупь был слегка теплым, упругим, плотным.

Мальт шевелился, спускаясь все ниже. Коснулся земли и оперся на нее складками опущенных «крыльев». Вдохнул и замер.

– Тудыть тебя в серный окисел! – совершенно непонятно, но весело и энергично прогудел бас из раскрывающегося лепестками брюха ската. – Вот же ржавый ты гвоздь в подметке, шпынять здоров, как вся ваша семейка! На ночь глядя вскакивай и лети! Гном я или распоследний карманный жбрых на шлейке?

– Гном! – сразу согласилась Кира, обеими руками восторженно обнимая хвост, ловко прижавшийся к боку от первого же ласкового поглаживания.

– Дык и я так полагаю, – важно согласился рыжий широченный гном, спускаясь по лестнице, постепенно формирующейся из провисающих чешуйчатых пластин брюха. – Я Мрыж. Полностью, значит, мастер мальтпитомника Мрыж Пффтур. А ты кто есть, писклявая прищепка для хвоста?

– Кира. Очень приятно.

– Ну это точно. Значит, вот какое дело... – Гном дернул длинный ус, заплетенный в косичку и украшенный искристой подвеской. – Грузитесь. Десять минут на все, а то не выберемся отсюда до рассвета, дай вам время хоть на пару слов или мыслей. Не уйдем в нужный эшелон, если по-вашему, по-глупосамолетному.

– Мрыж, спасибо тебе, – улыбнулся Лорран. – Извини, тоже спешу. Мне еще тут трупы выращивать. Эльфийский погром с пожаром имитировать. Так что здравствуй, рад видеть и до нескорой встречи.

– Ну погоди же, а тебя как зовут? – расстроилась Кира. – Вот скрытный! Ненастоящий, я точно знаю! Никакой не Лорран.

– Мне нельзя быть настоящим. Мало ли кто увидит, случайно узнает, – виновато развел руками мужчина. – До свидания, послушный ребенок. Пожалуйста, сходи к королеве. Она болеет. А ты, может быть, и есть самое лучшее и сильное лекарство. Ты очень хорошо умеешь светить и согревать.

– Схожу, – пообещала Кира. – А как же моя Нора? Она ведь не знает, что нас спасли.

– Извини. Не могу помочь. Где я буду ее искать? Нас мало. И к ведьмам, в их колледж, мне соваться – ну никак.

– Понимаю. Ладно, она умная, догадается, – понадеялась Кира. – Я ей приснюсь и все объясню. И зачем ты погром будешь имти... имитировать, а? Опять скажут, что эльфы злодеи, что все беды от вас.

– Все равно скажут. А так получится, нас и не было. Вы погибли. Не будет разбирательства, не возникнет подозрений. Сильных. К тому же внушение мне всегда хорошо удавалось... Опять же подобия тел, мертвые, способен создать любой толковый маг. Особенно имея в своем распоряжении хотя бы малого мальта. Или жбрыха. Не карманного, само собой, а уже взрослого и опытного.

Кира не стала просить пояснения. Какой смысл? Она скоро заберется в брюхо живого ската Эгли. Замечательного, вон как он гонит волну по хвосту – здоровается. И полетит в другой мир, так похожий на сказки бабушки Лоры, а может, и лучше, чем эти самые сказки, потому что все станет по-настоящему, наяву... О чем еще можно мечтать? Там живут волшебные добрые мальты и жбрыхы. Там гномы ругаются непонятно и незлобиво, а эльфы не обижают маленьких девочек. И даже наверняка маму вылечат. Кира требовательно дернула за пояс отказавшегося назвать имя нового знакомого – она уже не сомневалась, что имеет дело с настоящим эльфом. Тот послушно сел рядом. Погладил по голове, улыбнулся, пообещал быть осторожным. Получил последнюю печенинку, удачно найденную в кармане платья.

Мимо уже шли по гибким пластинам люди, недоверчиво и смущенно озираясь. Библиотекарь волоком тащил свои книги. Бабушка Лора гордо несла горшки с фиалками. Кира взбежала последней, нехотя отпустив хвост мальта.

Эльф остался на поляне и помахал рукой на прощанье. Усердно – как сама Кира махала сестре. Смотрелось это замечательно. Точно так должен был бы закончиться настоящий хороший фильм о Тиэле. Он спасает целый город и остается на залитой лунным светом поляне, чтобы еще кому-то помогать, он ведь очень добрый, а в Альянсе многим нужна помощь...

Пластины с легким шелестом сошлись, образуя ровный гладкий пол. Из недр огромного мальта вынырнула женщина-гном, стройная и симпатичная, ростом чуть выше самой Киры. Улыбнулась всем и, выговаривая слова с легким акцентом, сообщила:

– Доброй ночи! Я ваша мальтпроводница, Дора Пффтур. Приветствую вас в корпусе нашего друга, мальта Эгли. Сейчас ребра жесткости будут приведены в предполетное положение. Подушки и сиденья я выдам вам сама. Прошу рассаживаться так, как будет рекомендовано. На взлете имеет большое значение развесовка. Когда мы наберем высоту, я подам завтрак. Итак, начнем.

Люди ошарашенно смотрели на энергичную маленькую женщину, безропотно выполняя ее вежливые распоряжения. По животу мальта пробегали волны, мягкие и не выглядящие опасно. Гнома суетилась, устраивала пассажиров, снабжала их подушками и пледами. Крепила в нишах книги, расставляла в самом надежном месте горшки с цветами. Обсуждала с каждым меню завтрака. А время шло. Кира начала уже волноваться – когда же взлет?

Но тут по спине-потолку пробежали тонкие нити голубоватого сияния, разрослись в узор приятного дневного света. Из переднего салона, который Дора именовала грудным отсеком, важно выбрался, ласково поглаживая складки-перегородки, Мрьж.

– Ну значит, как там у вас говорят? Экипаж, то есть я и Эгли, приветствует вас. Мы набрали высоту сорок девять тыщ двести футов. По-вашему, по-глуполюдскому, это пятнадцать километров.

– Дядя, прекрати свои колкости! – возмутилась Дора.

– Мой мальт, любимейший, везет всех. Кого хоч, того колю, – упрямо сообщил гном. Складки за его спиной согласно шевельнулись. – Ага. Значит, идем по графику. Скорость триста ваших километров в час без малого. Расчетное время в полете десять часов. По нужде посещаем...

– Дядя!

– Дык лучше сразу все толком, они ж не летали мальтами, – возмутился гном. – Посещаем левое крыло. Хвостовые складки для женщин, так заведено. Бегать по Эгли строго запрещается всем, – гном расплылся в широкой улыбке, – кроме детей. Скапливаться группами более пяти человек в одном крыле, заходя за красные ограничительные световые контуры и нарушая развесовку, не рекомендуется. Курить запрещено вообще, не то возьмусь за секиру.

– Дядя...

– Сто тридцать лет уже дядя, – беззлобно буркнул гном. – Эй, прищепка! Пошли смотреть на облака.

Кира мгновенно забыла про маму, про оставшегося в городе эльфа и вообще про все вокруг! Добежала, вцепилась в широкую руку гнома и пошла рядом с ним в грудной отсек. Эгли ее опознавал, бережно поднимал складки-перегородки, освобождая путь. За спиной уже шумели прочие, допущенные к бегу по брюху мальта. Они тоже хотели смотреть на облака. И торопливо избавлялись от родительской опеки.

– Чего можно бояться в мальте? Он живой, в отличие от бездушных самолетов, склепанных из металла, – охотно подтвердила Дора, успокаивая старших. – Разве рыбы тонут в море? Нет! Вот и мальты никогда не падают. Единственная угроза – лучи смерти, зенитные системы и иное оружие Альянса. Но едва ли Эгли позволит себя увидеть. Он опытный, взрослый мальт.

Его тренировали и гномы, и эльфы. Сам Лоэльви ставил защиту, а технику маневра прорабатывал Жависэль!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.